

мером может служить таблица на стр. 302, где сравниваются производственные показатели русских и татарских колхозов.²

Книга Ю. В. Арутюняна содержит настолько богатый и разнообразный материал, что в данной рецензии затронуты только некоторые из проблем, касающихся структуры сельского населения.

Активное использование научных методов в области социального управления процессами, происходящими на селе, могут серьезно ускорить прогрессивные изменения структуры сельского населения и этим самым способствовать и развитию сельскохозяйственного производства и еще более быстрому росту материального и особенно культурного благосостояния сельского населения.

В. Э. Шляпентох

² Автора можно также упрекнуть в том, что некоторые сопоставляемые им показатели по городу и селу спорны. Так, он считает, что село уже опередило город по числу детей, обучающихся в школе. Однако то, что в деревне на 10 тыс. жителей приходилось еще в 1966 г. больше школьников, чем в городе, объясняется прежде всего иной возрастной структурой сельского населения, более высокой рождаемостью. При сопоставлении числа учителей нужно учитывать существование в селе большого числа небольших школ. Наконец, при сравнении села и города по числу клубов учитывать, что клуб в селе выполняет нередко функции кинотеатра, библиотеки и пр.

Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Часть 1. Приангарье, Новосибирск, 1971, 198 стр.

Культурное и бытовое своеобразие русского населения Сибири, сложившееся сначала под воздействием инонациональной среды, а позднее в условиях своеобразной изоляции, издавна привлекало внимание исследователей.

Особенно возрос интерес ученых к насельникам Сибири в последние годы в связи с расширением работ по освоению природных богатств края. Это выразилось в интенсивной экспедиционно-собирательской работе¹, а также в появлении новых статей, монографий, сборников². К числу подобных работ относится и недавно вышедшая книга «Быт и искусство русского населения Сибири».

В рецензируемый сборник вошли семь очерков с весьма разнообразной тематикой, но связанных единым замыслом — показать быт и культуру русского населения Приангарья конца XIX — начал XX в. Благодаря тому, что в сборнике участвовали археологи, историки, этнографы, музыковед и архитектор, стало возможным всесторонне охарактеризовать культурно-хозяйственную деятельность населения, жилище, народную одежду и песенный фольклор, познакомить читателя с историей заселения края.

В статьях использованы материалы, полученные в результате длительного полевого изучения русских, проживающих в бассейне Ангары и ее притоков, а также данные архивов и имеющаяся по этим вопросам литература.

Сборник открывается статьей А. П. Окладникова «Прошлое Приангарья в свете археологии», которая, как пишет автор, «служит своего рода общим историческим введением ко всем остальным статьям, посвященным этнографии русских старожилов Приангарья» (стр. 7). В статье дана широкая панорама археологических работ, проводившихся в Приангарье начиная со второй половины XIX в. Характеризуя добытый археологический материал, автор высказывает мнение, что на основании полученных данных можно «воссоздать в достаточно ярких и определенных контурах прошлое Приангарья на протяжении, по крайней мере, 20—25 тысячелетий» (стр. 20).

В работе Л. М. Сабуровой «Русское население Приангарья» освещены вопросы хозяйственной деятельности русских как в дореволюционный, так и в советский периоды, дана характеристика поселений, жилых и хозяйственных построек, а также народного быта. В известной степени материалы статьи перекликаются с данными книги этого же автора «Культура и быт русского населения Приангарья», вышедшей в 1967 г. и получившей высокую оценку. Тем не менее поместить такую статью в сборнике было необходимо, поскольку в ней содержатся важные для характеристики быта и деятельности русского населения сведения. Читатель знакомится с краткой историей заселения Приангарья разными группами русских и их взаимоотношениями с аборигенами края. Рассказывается также об организации земледелия и системах землепользования, сельскохо-

¹ Работа Ангарской экспедиции 1957—1960 гг.; работа Забайкальского отряда 1959—1961, 1965, 1967 гг.; работа комплексной историко-этнографической экспедиции по созданию мемориального заповедника «Сибирская ссылка В. И. Ленина», 1968—1970 гг., где было собрано около 4 тыс. экспонатов.

² В. А. Александров, Русское население Сибири XVII — начала XVIII в., М., 1964; Л. М. Сабурова. Культура и быт русского населения Приангарья, Л., 1967; «Этнография русского населения Сибири и Средней Азии», М., 1969; Н. А. Миненко, Русская семья на Обском Севере в XVIII — первой половине XIX в., «Сов. этнография», 1971, № 6; А. Н. Копылов, Культура русского населения Сибири в XVII — XVIII веках, Новосибирск, 1968.

зяйственных орудиях, бытовавших там в начале XX в. Неубедительным, на наш взгляд, кажется высказывание о том, что «пахотной земли у крестьян тех мест было мало» (стр. 51). Это положение не подтверждено цифрами. В то же время данные, приведенные на стр. 33, свидетельствуют о том, что на душу в среднем приходилось по 0,95 десятины³, что для пореформенной России было высоким обеспечением.

Автор сообщает также немало интересных сведений о женщинах-охотницах, о праве собственности на охотничьи угодья, о распорядке времени на охоте. Полно и обстоятельно изложен материал о поселениях, жилых и хозяйственных постройках, здесь же отмечен весьма любопытный факт существования в прошлом столетии своеобразной формы деревенского самоуправления — «общества». Очень убедительно на большом фактическом материале Л. М. Сабурова сумела показать, как жители Приангарья за годы Советской власти преодолели не только экономическую, техническую, но и культурную отсталость.

В работе Н. И. Лебедевой «Хозяйственный быт Приангарья (XIX — начало XX в.)» освещены наиболее характерные особенности хозяйства русских крестьян этого района. Много внимания в статье уделено земледелию, описаны разновидности орудий труда. Рассказывая об особенностях содержания скота, автор отмечает черты, заимствованные у местных жителей. Очень интересный материал по добывающим промыслам — охоте и рыболовству, крестьянским ремеслам — изложен несколько схематично. Раскрывая характер хозяйственной деятельности и материальной культуры старожиловского населения Приангарья, автор подчеркивает, что климатические условия, географическая среда и контакты с местным населением способствовали тому, что в этих районах Сибири сложилась своеобразная компактная группа населения с присущими ей особенностями быта.

В работе В. А. Горелова дан анализ семьи, ее структуры и взаимоотношений между членами. Привлекает внимание выделенный автором особый тип так называемой «договорной семьи», строящей свои отношения на определенных условиях. Досадно, что автор не пишет о том, насколько широко были распространены такие семьи, когда они существовали. Как интересный факт В. А. Горелов отмечает «обилие в деревнях однофамильцев, большинство которых считает себя родственниками» (стр. 96). Это следует рассматривать, по-видимому, как остатки патронимии, но уже вторичного порядка. (Аналогичные явления наблюдались в XIX в. во многих деревнях Архангельской и Вологодской губерний.) Автор прослеживает изменения в структуре семьи, связанные с проникновением в деревню капиталистических отношений, что выражалось в тяготении к отделению, стремлении заработать деньги и обзавестись собственным хозяйством. Разрушение больших неразделенных семей особенно усилилось после коллективизации, и автор подчеркивает, что носителем новых отношений была молодежь. Несколько удивляет высказывание В. А. Горелова о сущности современной колхозной семьи, которая, по его мнению, «в экономическом отношении превратилась в потребительскую ячейку (?), в то время как предшествующие ей формы имели не только потребительскую, но и производственную функцию, были хозяйственными единицами общества» (стр. 95). Это положение ничем не аргументировано и потому кажется нам бездоказательным. Хотелось бы сделать замечание по поводу таблиц, которыми снабжена статья В. А. Горелова: большинство из них мало понятны и не разъясняют положений автора ни о структуре, ни о численности семьи.

В статье И. В. Маковецкого, посвященной зодчеству среднего Приангарья, отмечается исключительное значение для истории русской архитектуры острожных сооружений, сохранившихся на Илеме и Ангаре. Детально рассматривая устройство срубов, острогов, он отмечает идентичность приемов их строительства с методами возведения построек в северовеликорусских районах. По его мнению, ценность острожных построек, этих уникальных памятников русской архитектуры, заключается в том, что они дают наглядное представление о характере и планировке жилых помещений XVII в., о приемах их освещения. В статье подробно и обстоятельно описана планировка ангарских деревень, крестьянских усадеб и изб. Особое внимание уделено внутреннему и внешнему оформлению жилых построек, в котором, по мнению автора, ярко проявляются тесные связи народного творчества крестьян Сибири и Европейской России.

На огромном фактическом материале написана статья Г. С. Масловой по народному костюму. Приведен подробный перечень тканей, используемых для изготовления одежды, охарактеризованы два разновременных комплекса: одежды старожилов и новоселов Приангарья конца XIX в. Прослежены изменения в одежде, произошедшие за годы Советской власти. Особо выделены производственная и праздничная одежда. Автор подробно останавливается на традиционных головных уборах сибирячек — повойниках, которые в некоторых случаях назывались «кокошниками». По мнению Г. С. Масловой, это явление свидетельствует о существовании здесь кокошников в более раннее время и отражает генетическую связь старожилов с северовеликорусами.

Детальное рассмотрение одежды населения Приангарья на протяжении значительного хронологического отрезка дает автору основание сделать вывод о наличии в одежде различных национальных компонентов: северовеликорусского, западноукраинского, белорусского. Вместе с тем Г. С. Маслова пишет о том, что в одежде местных жителей встречались элементы, характерные для одежды бурят и эвенков, что свидетельствует о происходящих здесь процессах культурных взаимодействий.

³ Десятина равна 1,09 га.

Несмотря на то что в сборнике преобладают статьи с этнографической тематикой, сюда очень органично вошла статья Н. М. Владыкиной-Бачинской «Свадебная песня Приангарья». По мнению автора, из песенного фольклора наибольшему художественную ценность представляют именно свадебные песни. В результате анализа вариантов напевов автор приходит к выводу об общности интонационной основы напевов Приангарья и Пинежья. Следует отметить, что для этнографов это явление крайне интересно. Известно, что основы музыкальных напевов весьма устойчивы. Все это позволяет предполагать этническую близость свадебной традиции жителей бассейна Ангары и Пинежья. Автор отмечает недостаточную изученность песенного фольклора Сибири.

Рецензируемый сборник — несомненно, существенный вклад в изучение культуры и быта русского населения Сибири. Авторы сумели передать яркий образ жителей этого сурового края, которые смогли не только выжить и приспособиться к трудным условиям, но и создать своеобразную культуру, выработать особый уклад жизни, хотя в основе их быта, по мнению всех авторов, лежат традиции северовеликорусов. Большим достоинством всех статей является широкое использование местной терминологии — «локализмов», придающих своеобразный аромат повествованию. Хотелось бы отметить прекрасное оформление издания. Статьи снабжены точно выполненными рисунками, чертежами и фотографиями, досадно только, что не везде указаны фамилии художников (например, нет фамилий исполнителей рисунков к статьям Г. С. Масловой и Н. И. Лебедевой).

Несомненно, книга будет интересна не только для специалистов, археологов, историков, этнографов и искусствоведов. Ее оценят учителя, краеведы и все, кто интересуется историей, культурой и бытом Сибири.

В заключение хотелось бы пожелать, чтобы вторая часть сборника «Забайкалье» увидела свет как можно скорее.

Л. Н. Молотова

Г. Н. Джавахишвили. Быт и культура шахтеров Ткибули. Тбилиси, 1971, 132 стр. (на груз. яз.).

Рецензируемая книга — первое исследование этнографического характера, посвященное анализу производственного, общественного и семейного быта шахтеров Ткибули XIX—XX вв. Исследование производственного быта шахтеров Ткибули автор начинает с изучения условий формирования и развития рабочих кадров исследуемого района. В книге освещены все этапы развития рабочего класса Ткибули.

Город Ткибули возник в Имеретии (Западная Грузия) в местности Окриба. Жители здесь издавна занимались разработкой залежей железной руды, которую называли «железной глиной» (стр. 13—15).

Первые сведения о залежах каменного угля в районе современного Ткибули появились в 1830 г. Спустя 15 лет Кавказское наместничество попыталось скупить у местных помещиков земли, на которых были обнаружены залежи (стр. 19). Но помещики предпочли сдать правительству свои земли в аренду. Несмотря на низкий уровень производства, начало разработок каменноугольных копей в Ткибули способствовало экономическому оживлению края. Росла сеть дорог, по которым уголь на арбах вывозился к р. Квириле (приток р. Риони), а затем на речном транспорте доставлялся к черноморским портам.

Общая экономическая отсталость царской России середины XIX в. тормозила развитие промышленной разработки ископаемых богатств на окраинах империи. Это усугублялось еще и международным положением России того периода: после поражения царизма в Крымской войне 1853—1856 гг. царское правительство было лишено права держать на Черном море военный флот. Поэтому разработка каменноугольных залежей Ткибули была прервана.

В начале 1860-х годов в Окрибе возобновились работы по добыче каменного угля. Он требовался черноморскому флоту и развивающемуся железнодорожному транспорту, им также пользовались для отопления домов в Тифлисе и Кутаиси. В конце XIX — начале XX в. возникали различные объединения промышленников. Наиболее крупным из них было акционерное общество «Нахшира» (от грузинского слова нахшири — «уголь»), просуществовавшее вплоть до установления меньшевистской власти в Грузии (стр. 21—23). В 90-х годах в Ткибули проникает иностранный капитал.

Вначале на добыче каменного угля в Ткибули использовались в основном солдаты царской армии и приглашенные из Луганска специалисты горного дела. Рост местного рабочего класса (в условиях общей отсталости окраин царской России) в Ткибули шел медленными темпами: к 1900 г. в Окрибе было не более 700 рабочих (стр. 25).

Местное сельское население, особенно в начальный период, с недоверием относилось к новым для него разработкам каменного угля. В промышленное производство вовлекалась преимущественно беднейшая часть крестьян. Работа их носила сезонный характер, так как крестьяне не порывали связей с сельским хозяйством. И тем не менее зарождающаяся промышленность, несмотря на чрезвычайно медленные темпы ее развития, постепенно начала подтачивать патриархальный уклад жизни, все больше вовлекать здешних жителей в сферу капиталистических отношений.

Автор рецензируемой работы Г. Н. Джавахишвили приводит полевые этнографические материалы, свидетельствующие о том, что уже в начале XX в. основная часть